

ПРОБЛЕМА РЕАЛИЗАЦИИ РЕФОРМЫ МОНТЭГЮ-ЧЕЛМСФОРДА В ИНДИИ В БРИТАНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДИСКУССИИ 1920-Х ГГ.

Аннотация: В статье проанализированы отдельные аспекты британской колониальной политики в Индии в 1920-е годы. Обозначившийся после Первой мировой войны кризис побудил британское руководство предпринять определенные шаги по реформированию традиционного колониального механизма. Политические и административные изменения, произошедшие в межвоенный период в Британской Индии, в значительной степени заложили фундамент формирования политической системы независимого индийского государства. Одним из важных последствий Первой мировой войны стало существенное изменение прежнего миропорядка, а также формирование принципиально новых черт мировой политики. Провозглашенный Вудро Вильсоном принцип национального самоопределения вместе с общим изменением баланса сил на международной арене, не могли не сказаться на состоянии колониальной системы и вызвали определенные изменения в отношении к колониям со стороны крупных европейских государств. Типичным примером подобных изменений стали процессы, происходившие в крупнейшей колониальной империи, созданной Великобританией. Они были связаны, главным образом, с постепенным усилением центробежных тенденций, приведших, в конечном счете, к превращению Британской империи в Британское Содружество Наций. В случае с «белыми» доминионами эта эволюция вполне вписывалась в контуры либеральной британской колониальной идеологии, предполагающей расширение прав и возможностей территорий со значительной частью европейского населения. Принципиально иной характер имела политика в отношении большинства азиатских и африканских колоний, население которых, по мнению политической и интеллектуальной элиты Великобритании, было неспособным к прогрессивному развитию и независимому политическому существованию. В первые десятилетия XX в. в некоторых британских колониях начался процесс активного складывания идеологической доктрины национального освобождения и формирования массовых политических организаций, выражающих эти устремления. В то же время Великобритания, в результате войны столкнувшись с определенными внутренними трудностями и ограниченными финансово-экономическими ресурсами, была вынуждена скорректировать форму и методы управления колониями в сторону их большей эффективности. Изменения в колониальной политике сопровождались столкновением различных политических линий и весьма сложными дискуссиями на различных уровнях и в различных сегментах британской общественно-политической системы.

Ключевые слова: Британская Индия, колониальная политика, административно-политическая реформа, национально-освободительное движение.

A. V. Sagimbayev

THE PROBLEM OF IMPLEMENTING THE MONTAGUE-CHELMSFORD REFORM IN INDIA IN THE BRITISH POLITICAL DEBATE OF THE 1920S.

Abstract: The article analyzes some aspects of British colonial policy evolution in India in the 1920s. Denote after the First World War, the crisis prompted the British leadership to take certain steps to reform the traditional colonial mechanism. The political and administrative changes that took place in the interwar period in British India, to a large extent laid the foundation formed within the political system of the independent Indian state. One of the important consequences of the First World

War was a significant change in the old world order, as well as the formation of a fundamentally new features of world politics. Woodrow Wilson proclaimed the principle of national self-determination coupled with a general change in the balance of power in the international arena could not affect the status of the major colonial system and cause certain changes in relation to the colonies by the major European states. A typical example of systemic change have become the processes taking place in the largest colonial empire, created by the United Kingdom. They were limited mainly to the gradual strengthening of centrifugal tendencies that led, eventually, to the transformation of the British Empire in the British Commonwealth of Nations. In the case of “white” dominions, this evolution is quite fit into the outline of the liberal part of the British colonial ideology assumes empowering self-possession with a substantial part of the European population. Another was the policy in the case of most Asian and African colonies, where the population was considered a priori political and intellectual elite of the UK as a failure to the progressive development and independent political existence. In the first decades of XX in some colonies began the process of active folding of the ideological doctrine of national liberation and the formation of mass political organizations expressing these aspirations. At the same time, the United Kingdom, faced as a result of the war with certain internal difficulties and the limited financial and economic resources has been forced to adjust the form and control methods colonies towards their greater efficiency. Changes in the colonial policy followed by the clash of different political lines and very complex discussions at various levels and in various segments of the British social and political system.

Key words: British India, the colonial policy, administrative and political reform, the national liberation movement.

Наиболее важным реформаторским проектом, инициированным Уайтхоллом в сфере колониального управления после завершения Первой мировой войны, явилась административно-политическая реформа в Индии, оформленная Биллем британского парламента в декабре 1919 г. Созданная в результате данной реформы административная конструкция получила наименование системы диархии. Несмотря на внутреннюю противоречивость, действия Великобритании в данный период отражали формирование важного вектора дальнейшей эволюции ее колониальной политики, связанного с весьма медленной, непоследовательной, в немалой степени вынужденной либерализацией политико-административного режима управления в ключевом колониальном владении.

Сменившему в апреле 1921 г. лорда Челмсфорда на посту вице-короля лорду Ридингу пришлось столкнуться с ростом организованного протеста, основой которого явилась объединившая различные социальные и конфессиональные группы индийского общества идея достижения самоуправления. Осознавая объективную неспособность противодействия данной тенденции исключительно с помощью репрессивных мер, в 1921 г. он предложил «рассмотреть возможность введения полной провинциальной автономии» [35, p. 92], однако, данная инициатива, поддержанная госсекретарем Э. Монтэгю, встретила ожесточенную критику со стороны консервативной оппозиции. В редакционной статье близкого к Консервативной партии журнала «Спектэйтор» отмечалось: «Вызывает глубокое отвращение и разочарование тот факт, что правительство позволило [Э. Монтэгю – А.С.] заложить мину, которая может разрушить британскую власть в Индии» [35, p. 92]. Осенью 1921 г. около ста представителей Консервативной партии в Палате общин призвали осудить госсекретаря «за преступления, совершенные в 1919–1921 гг. против белых людей, работающих в Индии» [35, p. 92]. Оппозиционеры обвиняли его в приверженности устаревшим, по их мнению, «либеральным догмам» и даже связывали

политику госсекретаря с его еврейским происхождением [35, p. 93]. Комментируя подобные обвинения, Э. Монтэгю в письме Дж. Доусону отмечал: «Я хочу, чтобы дома Вы внесли ясность относительно всей сложности ситуации в Индии и возможности ее добровольного сохранения в рамках Империи» [35, p. 94].

На рубеже 1921–1922 гг. британская пресса, в особенности, близкие к консерваторам издания «Таймс», «Дэйли Ньюс» и «Дэйли Телеграф» развернули новую кампанию критики действий кабинета в Индии. Правительство при этом обвинялось в бездействии, «приведшем к тому, что ситуация оставлена фактически на откуп Ганди и экстремистам» [38, p. 3]. Упоминались случаи неоднократных нападений на представителей британской администрации и европейцев в Ассаме, Объединенных провинциях и Пенджабе. Поводом для них послужили события, связанные с религиозным исламистским движением мопла, а также беспорядки, произошедшие в ноябре 1921 г. в Бомбее, в связи с визитом принца Уэльского [9, p. 13]. Как отмечалось в сообщениях, анархия, вызванная бездействием англо-индийских властей привела к гибели за два года не менее 10 тыс. чел. [31, p. 61] В Парламенте сформировалась влиятельная группировка, в которую входили в основном консерваторы, выступавшая с требованием отставки госсекретаря по делам Индии. Политика Э. Монтэгю в этих условиях находила поддержку лишь среди части лейбористов, а также находившихся в оппозиции кабинету либералов, объединившихся вокруг бывшего премьер-министра Г. Асквита [20, col. 114]. В одном из своих выступлений, отстаивая необходимость реформ в Индии, он подчеркивал: «Система управления, созданная в прошлом, ныне доказывает свою неэффективность. Если мы не готовы реконструировать, в свете современного опыта, старую и громоздкую административную машину, я искренне полагаю, что мы утратим право управлять судьбами индийской Империи. Наша исполнительная система развалилась, потому что она не предназначена для сложных задач современного управления» [20, col. 115].

В начале февраля 1922 г. группа из 93-х членов Палаты общин от Консервативной партии направила премьер-министру письмо с требованием отставки Э. Монтэгю. «Мы, нижеподписавшиеся, – отмечалось в документе, – сошлись во мнении о том, что госсекретарь по делам Индии потерял доверие большего числа членов Палаты общин, и большинства граждан страны, и что его сохранение в должности будет крайне вредным для интересов как нашей страны, так и Индии, и думаем, что было бы очень желательно, чтобы он подал в отставку» [20, p. 5].

14 февраля вопрос о доверии Э. Монтэгю был вынесен на обсуждение Палаты общин. В своем выступлении госсекретарь попытался объяснить кризис, возникший в Индии, влиянием осуществляемой через Афганистан большевистской пропаганды, подчеркнув, что англо-индийская администрация предприняла максимум усилий для ее нейтрализации [20, col. 865]. Он назвал объективным рост политической активности в Индии и стремление индийцев к большей политической самостоятельности. Особую роль в дестабилизации политической обстановки в Индии, по мнению Монтэгю, сыграло халифатское движение индийских мусульман, появление которого он связывал с непродуманной политической держав Антанты в отношении побежденной Османской империи [21, col.

865]. Важнейшим направлением британской политики он обозначил, в данной связи, поиск компромисса с мусульманской общиной, проживавшей в пределах британских владений, численность которой превышала 100 млн. человек и от политических настроений которой в немалой степени зависела стабильность колониальной системы Великобритании. Реализация данной задачи, по мнению Э. Монтэгу являлась основным условием реализации «ответственности за благосостояние индийского населения, возложенной на нас Небесами» [21, col. 867]. Дополнительным негативным фактором, влиявшим на политическую нестабильность, Э. Монтэгу обозначил существенное ухудшение социально-экономической обстановки в Индии, а также голод, возникший в ряде индийских провинций вследствие, в том числе, возросшего экспорта продовольствия [21, col. 868].

Тем не менее многие британские парламентарии не изменили изначальной критической позиции в отношении политики госсекретаря. В одном из выступлений отмечалось: «Сто лет назад Макколей заявил, что Индия получит самоуправление, когда окажется готовой к этому. Нынешний госсекретарь решил, что показателем этой готовности является грамотность примерно двух с половиной процентов ее населения... Порядка двух тысяч английских служащих и офицеров при этом подлежат увольнению» [21, col. 907]. Наряду с апеллированием к сложившейся в Индии политико-административной традиции в политической дискуссии часто высказывалось мнение о необходимости выработки новой «философии, которая предоставит небольшой шанс Великобритании сохранить ее индийскую Империю» в условиях возраставшей международной конкуренции [21, col. 915]. Общее же ухудшение ситуации в Индии напрямую связывалось с личностью госсекретаря, а единственным способом ее исправления объявлялось «исправление взглядов правительства, которое не может быть достигнуто пока действующий госсекретарь остается в своей должности» [21, col. 975].

В конце февраля 1922 г. Э. Монтэгу в официальном ответе на запрос индийского Законодательного собрания вновь подчеркнул неизменность позиции британского руководства относительно перспектив конституционной реформы в Индии. По его мнению, анализ дальнейших шагов в данном направлении окажется возможным не ранее 1929 г., когда будут подведены итоги предыдущего этапа преобразований [22, col. 227–228].

Многих представителей британской администрации в Индии беспокоило возможное негативное воздействие начавшихся преобразований на общественно-политическую обстановку в различных индийских регионах, с учетом сложного этноконфессионального состава их населения. 9 марта 1922 г. Э. Монтэгу было получено специальное послание англо-индийского правительства, в котором выражалась серьезная тревога относительно возможного негативного влияния событий в Турции на настроения многочисленной мусульманской общины в Индии. «Мы чувствуем необходимость, – отмечалось в документе, – прояснить правительству Его Величества настроения индийцев, связанные с необходимостью пересмотра Севрского договора. Правительство Индии и Индийская гражданская служба находятся в сложной ситуации, поскольку вынуждены принять во внимание вклад индийских мусульман в наши военные усилия, а также их едино-

душную политическую позицию. Их можно свести к трем ключевым позициям: во-первых, эвакуация Константинополя, во-вторых, признание сюзеренитета султана над мусульманскими святынями в Мекке и Медине, в-третьих, возвращение под турецкий контроль зоны проливов, Андриополя и Смирны. Выполнение всех трех пунктов является абсолютно необходимым для сохранения политической стабильности в Индии [1, л. 35].

В британской прессе отмечалась беспрецедентность данного документа для всей истории взаимоотношений Уайтхолла и англо-индийской администрации, поскольку характер выдвинутых в нем требований больше соответствовал специфике отношений метрополии и самоуправляющихся доминионов. Дипломатический корреспондент «Дейли Кроникл» подчеркивал, что данный демарш мог привести к «серьезным трудностям для представителей Великобритании на предстоящей конференции по Ближнему Востоку» [9, р. 2]. По мнению представителей британской прессы, обозначенные в меморандуме требования «угрожают всей системе договоров по послевоенному устройству Британской империи, касаясь, в частности, планов по созданию арабских королевств в Ираке и Хиджазе, а также британского мандата на Палестину» [9, р. 2]. В редакционной статье «Таймс» меморандум англо-индийского правительства связывался, в основном, с резким обострением внутренней ситуации в Индии на фоне объявленной М. Ганди кампании несотрудничества [11, р. 5]. В «Дейли Телеграф» документ был подвергнут критике, поскольку в нем «ставилась зависимость имперской политики от настроений индийских мусульман» [15, р. 6]. «Послание лорда Ридинга, – отмечалось в одной из публикаций, – нельзя воспринимать всерьез, поскольку оно может лишь осложнить наше положение и воодушевить кемалистов, а перспективы мирного урегулирования на Востоке будут еще более отсрочены... Что же касается Индии, то порядок в ней может быть наведен только железной рукой» [12, р. 1]. 18 марта 1922 г. в интервью газете «Дэйли ньюс», влиятельный член Консервативной партии лорд Дерби, заявив о понимании мотивов меморандума, в то же время, выразил сомнение относительно целесообразности участия представителей англо-индийского правительства в предстоящей конференции по пересмотру условий мирного договора с Турцией [1, л. 110].

Правительственный кризис, вызванный оппозицией англо-индийского правительства действиям кабинета Д. Ллойд-Джорджа в Турции, подтолкнул министра по делам Индии к принятию окончательного решения об отставке, последовавшей 19 марта 1922 г. [1, л. 122] Данное событие явилось одним из важных симптомов, обозначивших наличие серьезного кризиса внутри коалиционного кабинета Д. Ллойд-Джорджа.

В конце июня 1922 г., в ходе очередной партийной конференции, прошедшей в Эдинбурге, представители подвергли критике политику правительства в Индии, а также характер реализации Акта 1919 г., который, по их мнению, «лишил их (индийцев – А. С.) надежды на свободу, существующую среди нас» [4, л. 42]. В решениях конференции отмечалось, что предложенная британским руководством реформа не нашла поддержки у ключевой политической силы Индии – Индийского национального конгресса, «лишь 25 из 12 тысяч делегатов которого на последнем съезде

высказались в поддержку Акта» [4, л.43]. В данной связи в партийных документах отмечалась необходимость предоставления Индии «реального самоуправления, равного тому, каким в данный момент пользуются Канада и Австралия» [4, л.49].

С уходом Э. Монтэгу акценты в политике англо-индийского правительства не претерпели существенных изменений. Политическая линия коалиционного правительства Д. Ллойд-Джорджа, как и сменивших его кабинетов Э. Б. Лоу, Р. Макдональда и С. Болдуина строилась на попытке сохранить сложившуюся по итогам реализации Акта 1919 г. модель диархии, дававшей индийцам некоторую степень самоуправления, но сохранявшую основы британского господства в Индии. Действия Уайтхолла в этом направлении были во многом аналогичны стратегии, которую британские власти ранее пытались применять в Ирландии. Она основывалась на противопоставлении «умеренной» и «радикальной» фракций местного политического движения, а также на сочетании репрессивной политики и ограниченных реформ. Этим объяснялось фактически одновременная реализация системы диархии и сохранение введенных в военный период законов Роулетта, предусматривавших судебное преследование за любые виды антибританских протестов или агитации.

Другим важным мотивом административных изменений явилось стремление сократить финансовые издержки, связанные с содержанием в Индии многочисленного британского чиновничьего аппарата. В феврале 1926 г. министерство по делам Индии обнародовало финансовый отчет, в котором подчеркивалось, что в период с 1919 по 1925 г. расходы ведомства на административные нужды сокращались в среднем на 37 тыс. ф.ст., а общая экономия составила 145 тыс. ф. ст. [25, col. 59–60]

Главным фактором сокращения бюджетных расходов являлась, постепенно осуществлявшаяся в рамках реализации Акта 1919 г. «индианизация» различных сфер и сегментов управленческой системы Британской Индии. Важную роль в ее осуществлении играла созданная в начале 1920-х гг. специальная межведомственная структура, получившая по имени ее главы наименование комиссии Ли [24, col.983–984]. Под ее руководством подготавливались ежегодные рекомендации относительно замещения британских служащих индийцами в различных подразделениях Индийской гражданской службы, полиции, таможни, специальных ведомствах, связанных с управлением медицинскими и образовательными учреждениями, телеграфами, охраной лесов, ведением сельскохозяйственных и инженерных работ и других структурах [7, p. 75].

В соответствии с данными, представленными руководством Индийской гражданской службы в январе 1925 г., за предыдущий год на конкурсной основе им было отобрано 36 чиновников, 21 из которых являлись европейцами и 15-индийцами. Конкурсный отбор среди претендентов проводился в два этапа, в январе и августе, и проходил в Алахабаде и Лондоне. Кроме того, определенное количество вакансий заполнялось индийцами на основании рекомендаций провинциальных правительств. В основе данной политики, как подчеркивалось в документе, лежали положения Акта 1919 г., в соответствии с которыми число индийских и британских служащих в структурах Индийской гражданской службы должно было сравняться в течение 15 лет [8, p. 185].

Политика постепенной «индианизации» административного аппарата сочеталась со стремлением сохранить общий контроль над ситуацией в Индии с активным использованием репрессивных механизмов, касавшихся, в частности, ограничения деятельности прессы. Так, в декабре 1922 г., под давлением британской администрации, Законодательные ассамблеи Пенджаба, Бенгалии и Мадраса приняли поправки в действующее законодательство, предусматривавшие возможность для дополнительных санкций против печатных СМИ, критикующих действия властей [21, col. 3178–3179]. Одновременно был организован судебный процесс над членами сикхского движения Комитет «Гурудвара Прабандхак», обвиненных в участии в антибританских беспорядках в Пенджабе [21, col. 2943]. Несмотря на решение М. Ганди завершить хартал, многие его активные участники продолжали находиться в заключении, что не позволяло наиболее влиятельной индийской партии – ИНК принимать полноценное участие в выборах в представительные органы власти [21, col. 2258].

Процесс «индианизации» спровоцировал определенные коллизии, связанные, в том числе, и с профессиональным статусом и материальным обеспечением британских чиновников, получившие довольно широкий общественный и политический резонанс [21, col. 2292]. Немалая часть британских политиков полагала, что политика «индианизации» приводит лишь к дестабилизации административной системы, и напрямую увязывала с ней общее осложнение обстановки в Индии. В материалах, обнародованных в ноябре 1922 г. членом парламентского комитета лордом Сайденхемом, отмечалось, что на фоне увеличения числа беспорядков, достигшего за год в различных индийских провинциях от 10 до 50%, произошло резкое снижение эффективности деятельности правоохранительных структур. Подчеркивая сложность сложившегося положения, он отмечал: «В пенджабской полиции [в результате проведения реформы – А. С.] из двадцати девяти районов в четырнадцать не осталось ни одного английского служащего, что не может не сказаться на моральном состоянии и уровне дисциплины службы в целом. В Мултане, где проживает значительное число фанатично настроенных мусульман, полностью отсутствуют английские полицейские чиновники, и имеется лишь пятнадцать английских судей» [19, col. 72]. Одной из проблем административной политики, по мнению Сайденхема, стало привлечение на работу в Индийскую гражданскую службу молодых образованных британцев, чей опыт и энергия, по его мнению, являлись непременным условием дальнейшего продвижения Индии по пути развития институтов самоуправления [19, col. 81].

Система взаимодействия существовавших ранее органов британской администрации и новых, формировавшихся в процессе реформы институтов индийской представительной власти складывалась достаточно сложно и противоречиво. Практически все ведущие индийские политические силы, несмотря на различия в их политических программах, были настроены в пользу скорейшего достижения полного самоуправления. В этих условиях трения внутри реформируемой системы англо-индийского управления являлись достаточно частым явлением. Уже в сентябре 1922 г. большинством голосов Законодательное Собрание заявило о недоверии действующему правительству. Примечательным в данной связи явил-

ся факт солидарного голосования представителей индуистской, мусульманской, сикхской и некоторых других конфессиональных групп, что продемонстрировало очевидную ограниченность британской администрации в возможности использования традиционных методов игры на противоречиях между крупными этническими и религиозными сегментами индийского социума [19, col. 81].

Снижение эффективности деятельности Индийской государственной службы стало одним из главных аргументов критиков осуществляемой политико-административной реформы. В августе 1922 г. был опубликован отчет специальной комиссии во главе с лордом Ислингтоном, в котором отмечалась очевидная тенденция к ухудшению материального положения сотрудников Индийской Гражданской службы, начиная с 1914 г. На фоне роста цен за данный период по разным категориям товаров в пределах 60–90 %, заработная плата чиновников англо-индийской администрации была увеличена лишь на 8 %, что было минимальным показателем среди всех британских управленческих структур. В данной связи высказывали традиционные для британской политической элиты опасения относительно способности индийцев принять и эффективно реализовывать ту часть административных функций, которая полагалась им в соответствии с проектом реформы Челмсфорда – Монтэгу. Предполагалось, что к 1929 г. доля индийцев в Индийской Гражданской службе должна была быть увеличена до 48 %, в других сферах управления она также должна была составить не менее половины [17, p. 132].

Процесс «индианизации» в различных сферах управления отличался определенной спецификой и осуществлялся различными темпами. Уже к 1922 г. в структурах образования доля индийских служащих составляла 38 %, в то время как в сфере управления сельским хозяйством она не превышала 25 % [16, p. 100]. Такое различие объяснялось, в первую очередь, сложностями в подготовке индийских специалистов различных профилей. Вопросы, связанные с переходом отдельных административных функций от британских к индийским чиновникам, продолжали оставаться предметом напряженных дискуссий между правительством вице-короля и индийскими представительными органами на протяжении всего периода реализации реформы [26, col. 2799]. Тем не менее к 1925 г. предусмотренный Актом принцип «50 на 50» при назначении британцев и индийцев на административные должности был в целом достигнут [26, col. 800]. Одной из важных проблем оставалось и поддержание баланса при назначениях между представителями мусульманской и индуистской общин.

Незадолго до своей отставки в октябре 1922 г. в одном из интервью Д. Ллойд-Джордж попытался еще раз дезавуировать обвинения в слабости и непоследовательности политики своего кабинета в Индии. «Великобритания, – подчеркнул он, – не может ни при каких обстоятельствах отказаться от своей власти в Индии. Данный шаг стал бы величайшим предательством в истории нашей страны и отказом от величайшего долга, предначертанного нашей стране ее великой судьбой» [5, p. 349]. Основой стабильности в Индии Д. Ллойд-Джордж назвал сохранение традиции администрации, служащих которой он назвал «стальной конструкцией», обеспечивающей эффективность британского правления [5, p. 349].

С приходом к власти в ноябре 1924 г. консервативного кабинета С. Болдуина, пост госсекретаря по делам Индии занял лорд Биркенхед, а его заместителем стал один из видных членов Консервативной партии лорд Уинтертон, активно участвовавший в подготовке реформы Челмсфорда-Монтэгю. Несмотря на существовавшие внутри партии различия в оценках проводимой реформы, серьезных корректив в политике Уайтхолла в отношении крупнейшего колониального владения не последовало. Основным ее содержанием явилось стремление за определенным фасадом индийского самоуправления сохранить ключевые рычаги управления в руках британской администрации.

Одним из важных методов в реализации данного курса стало использование разногласий между индуистским и мусульманским сегментами индийского политического движения. Формирование и активное развитие массового национально-освободительного движения в Британской Индии, несмотря на успехи, достигнутые М. Ганди, достаточно быстро выявили принципиальное различие между политическими силами, представлявшими две крупнейшие фракции индийского населения, в видении его перспектив и конечных целей. Новые политические противоречия накладывались на традиционную взаимную неприязнь представителей двух конфессий. Рост антиколониального движения в итоге своей побочной стороной имел постепенное обострение конфессиональных противоречий, наблюдавшееся на протяжении всех межвоенных лет и нередко принимавшее форму вооруженных столкновений.

Рост индуистско-мусульманской напряженности, в определенной степени выгодный колониальным властям, требовал, тем не менее, принятия определенных административно-политических мер. В соответствии с отчетом, представленным в ноябре 1926 г. лордом Уинтертоном, англо-индийское руководство дважды, в октябре 1924 г и в июне 1926 г., через провинциальные правительства инициировало заключение соглашений между представителями общин предполагавших моральное осуждение межрелигиозной ненависти и нетерпимости. По словам заместителя госсекретаря, важнейшая роль в реализации мер по преодолению вражды между двумя конфессиями, отводилась методам «моральных действий», хотя, с другой стороны, «исполнительная власть была полностью вооружена специальными полномочиями для наведения порядка» [27, col. 1209]. Уинтертон в данной связи упомянул о закрытии в Калькутте нескольких печатных изданий, «осуществлявших радикальную религиозную агитацию» [27, col. 1233]. В то же время им, от имени вице-короля, была озвучена идея проведения конференции с целью налаживания диалога между представителями двух конфессий [27, col. 1233].

В середине 1920-х гг. политическая ситуация в Индии несколько стабилизировалась. Основной причиной этого стало улучшение социально-экономического положения, связанное с преодолением кризиса рубежа 1910–1920-х гг. и возобновившийся рост сельскохозяйственного и промышленного производства. На этом фоне постепенно ослабевала экономическая зависимость Индии от метрополии. По данным официальной статистики, доля Великобритании в индийском импорте в 1926–1927 гг. сократилась с 51 до 48% [34, p. 208]. В целях снижения социальной напряженности, при активном участии индийских представителей велась ра-

бота по созданию механизмов урегулирования трудовых споров. В 1922–1924 гг. Индийским законодательным Советом был принят ряд законов, регулирующих трудовые отношения. Был, в частности, повышен возраст приема на работу на предприятия и шахты с 9 до 12–13 лет [14, *p.* 61]. В соответствии с данными официальной статистики в Бомбее, где была сосредоточена значительная часть индийской промышленной базы, реальная заработная плата на предприятиях в период с 1914 по 1927 г. выросла на 21 % [14, *p.* 74].

В июле 1923 г. лорд Пиль передал премьер-министру С. Болдуину письмо лорда Ридинга, в котором тот в очередной раз сетовал на непонимание в метрополии всех трудностей с которыми сталкивается британская администрация в Индии [14, *p.* 74]. В «Дейли Кроникл» от 3 апреля 1926 г. помещалось заявление уходящего в отставку вице-короля лорда Ридинга. В нем особенно отмечалось, что британский суверенитет в Индии «не может быть никоим образом поставлен под сомнение. Верховенство английской власти основано не на отдельных договорах или соглашениях, а существуют независимо от них» [3, *л.* 8].

Против уступок «индийским националистам» продолжала выступать весьма активная группа «романтических империалистов», типичным представителем которой являлся У. Черчилль. В ноябре 1924 г. госсекретарь по делам Индии лорд Биркенхед писал вице-королю лорду Ридингу: «кабинет, как я полагаю, находится под влиянием определенной реакции от реформ Монтэгу... Можно говорить если не о слабости, то, по крайней мере, об определенном смятении, наступившем вследствие войны в Индии, Ирландии и Египте» [36, *p.* 283].

В 1924–1928 гг. ситуация в Индии несколько стабилизировалась. В тот же период наметился очевидный раскол между ИНК и Мусульманской Лигой, что давало представителям британской политической элиты мощный аргумент в пользу того, что индийцы не способны к самоуправлению. Арест Ганди и репрессии в отношении участников компании ненасильственного сопротивления вызывали критику со стороны немалой части сторонников Лейбористской партии.

Основным содержанием риторики официальных британских кругов в отношении Индии продолжал оставаться тезис о постепенном ее продвижении к полному политическому самоуправлению. Приверженность обозначенной в Акте об управлении Индией, идеи продвижения индийских владений к статусу доминиона, была зафиксирована в решениях Имперской конференции 1926 г. В мае 1927 г. С. Болдуин в очередной раз подчеркнул, что главной задачей его кабинета в Индии является ее скорейшее продвижение к «системе ответственного правительства» [10, *p.* 3].

В рамках административной реформы весной 1927 г. англо-индийское правительство инициировало обсуждение проектов разделения административных и судебных функций, в котором участвовал ряд провинциальных правительств [28, *col.* 1614]. При этом британские власти в очередной раз подчеркивали свое стремление к расширению сферы местного самоуправления и дальнейшей децентрализации административной системы в целом. «Одновременно с постепенным развитием институтов самоуправления в провинциях Индии, – отмечалось в документе, – местные правительства будут получать большую сте-

пень самостоятельности за счет разгрузки центральных органов управления [28, col. 1615].

Несмотря на обозначенные цели, британские власти довольно долго воздерживались от конкретизации сроков их выполнения и конкретных направлений реализации. Представителями кабинета неоднократно подчеркивалась принципиальная разница в условиях перехода к системе самоуправления в Индии и владениях с преимущественно европейским населением. В британских политических кругах на тот момент существовала убежденность в том, что внутренняя нестабильность и внешние угрозы являются главным препятствием на пути продвижения Индии к самостоятельному политическому статусу. Лорд Сайденхем, активно участвовавший в разработке проекта реформы, в ходе одного из публичных выступлений, заявил, что, по его мнению, «внутренняя и внешняя опасность для Британской Индии никогда не была столь угрожающей как в данный момент» [29, col. 613]. К числу внешних угроз лорд Сайденхем отнес, в первую очередь, распространение влияния большевиков и турецких националистов в Афганистане, свидетельством чему стали, в частности, события третьей англо-афганской войны 1919 г. [29, col. 619] Боевые действия на границе с афганским государством потребовали увеличения численности британских войск в этом регионе со 120 до 200 тыс. чел. Всего же, с учетом воинских частей, находившихся в других регионах крупнейшей британской колонии, численность войск в Индии превысила 300 тыс. чел. Содержание столь многочисленного военного контингента в корне расходилась с планами британского правительства по демобилизации и сокращению военных расходов [29, col. 622]. Внутренние опасности лорд Сайденхем связывал, в первую очередь, с деятельностью М. Ганди, который смог «ловко пробудить чувство ненависти среди необразованных фанатичных масс», а также «мусульманских экстремистов, являющихся еще более опасными, чем господин Ганди». Восстания, произошедшие среди мусульман в Бенгалии, Бомбейском президентстве и некоторых других регионах, он напрямую связал с проникновением в Индию большевистских идей [2, л. 8].

Внутренние беспорядки и угрозы извне стали одним из главных аргументов сторонников жесткой линии, настаивавших на незыблемости основ британского правления в Индии. «Представляется чрезвычайно маловероятным, – отмечалось в одной из публикаций, – чтобы демократическое правительство, сформированное по западной модели и опирающееся на незначительное меньшинство образованного населения, оказалось бы способным эффективно управлять Индией. Она, в этой ситуации, оказалась бы легко доступной для внешних вторжений и завоеваний. В данной связи принципиально важными являются усилия Парламента и Правительства Его Величества по укреплению обороны и сохранению внутренней стабильности в Индии...» [39, p. 5] Особое внимание в военной стратегии уделялось развитию ВВС и насыщению англо-индийских войск бронетехникой [39, p. 5]. В то же время в публикации признавалось, что рост военных расходов ложится тяжелым бременем на финансово-экономическую систему, что вызывает недовольство в обществе порождает определенные расхождения в позиции гражданских властей и представителей военного командования в Индии

[39, p. 5]. Многие из гражданских советников вице-короля высказывались в пользу скорейшего сокращения военных расходов с целью сбалансирования индийского бюджета. Активные дискуссии относительно основных направлений военного строительства в Индии в данный период происходили в рамках различных правительственных структур, но наиболее важное место они занимали в деятельности Комитета Имперской обороны [15, p. 94].

Дестабилизация обстановки в различных регионах Индии вызывала беспокойство и среди немногочисленной, но весьма влиятельной европейской общины в Индии. Совет Европейской Ассоциации в Калькутте неоднократно выступал с официальными обращениями к генерал-губернатору Бенгалии, в котором особо подчеркивалось, что среди проживающих здесь европейцев широко распространились «различные страхи и чувство небезопасности» [37, p. 32], в связи с чем они ожидают от правительства Бенгалии решительных мер по восстановлению серьезно нарушенной законности и правопорядка» [37, p. 32]. Среди них на первом плане отмечалась необходимость пресечения агитационной активности сторонников М. Ганди, стремившихся расширить масштаб протестных действий в Читтагонге и других городах провинции, деятельность которых «ставит под сомнение успех начатых реформ» [37, p. 37].

В британских политических кругах и прессе события в Индии напрямую увязывались с общими кризисными тенденциями, наметившимися в Британской империи. В ходе одного из парламентских слушаний, посвященных ситуации в Индии, отмечалось, в частности, что «в различных частях Индии растут преступность и коррупция, оживает необузданный фанатизм, подобно тому как это происходило в Ирландии, в Египте и Палестине, где агрессивные меньшинства осуществляют нападки на Британскую империю» [28, col. 1623]. В связи с этим внедрение системы диархии многими британскими политиками расценивалась как шаг, способствующий росту неэффективности и коррупции административного аппарата. Возросшая политическая активность в Индии первоначально ассоциировалась ими исключительно с «ограниченным слоем интеллигенции», оторванным от остальной массы населения, «95% которого продолжают прибывать на уровне образованности, существовавшем еще в эпоху средневековья» [28, col. 1635]. Тем не менее постепенно в британских политических кругах формировалось понимание масштабов национально-освободительного движения, возглавленного М. Ганди. В одном из официальных отчетов, представленных в парламенте комитетом Сайденхема, отмечалось, что Ганди «смог найти методы, побудившие к политической активности миллионы доверчивых и неграмотных простолюдинов» [28, col. 1659].

В данной связи в британских политических и интеллектуальных кругах продолжалась активная дискуссия, касавшаяся перспектив развития системы индийского самоуправления в контексте общей проблемы совместимости западных политических институтов и традиционных основ восточного социума. В ходе одного из парламентских слушаний лорд Лэндсдаун выразил достаточно типичную для консервативных британских кругов оценку событий, происходящих в крупнейшей колонии: «Я отношусь с глубоким недоверием к идее механического при-

менения западного демократического опыта к пестрой мозаике восточных народов, практически не имевших опыта развития институтов городского и местного самоуправления. Преждевременная реализация либеральных идей, в данной связи может привести лишь к параличу административной системы и безвозвратной потере бесценного опыта, накопленного за длительный период Индийской Гражданской службой» [20, col. 950].

Лорд Уинтертон, подробно анализируя ситуацию, связанную с реформами в Индии, в одном из интервью в очередной раз указал на объективные трудности, мешавшие, по его мнению, расширению системы индийского самоуправления. Главной из них по-прежнему был низкий уровень грамотности и образованности индийского населения, который «позволяет эффективно пользоваться своим правом голоса в лучшем случае лишь двум миллионам из трехсотмиллионного индийского населения» [20, col. 954].

Говоря о значимости, реформ, осуществленных в Индии после 1919 г., лорд Уинтертон еще раз подчеркнул наличие объективных трудностей, связанных со сложным составом индийского населения. Заместитель госсекретаря выделил в его структуре, по крайней мере, пять крупных конфессиональных сегментов: индуисты, небрахманские индуисты, мусульмане, сикхи, христиане, а также большое количество мелких кастовых групп. В связи со сложной обстановкой лорд Уинтертон указывал на опасность бойкота деятельности комиссии со стороны мусульман и «неприкасаемых» [20, col. 954].

В целях преодоления существовавших разногласий между различными индийскими общинами было предложено создать специальный комитет Индийского Законодательного собрания. Данный проект, вписывавшийся в концепцию дальнейшей либерализации индийской политической системы, получил поддержку и у парламентской оппозиции, представленной главным образом лейбористами. Лидер Лейбористской партии Р. Макдональд выразил надежду на то, что «итоги деятельности комиссии послужат важным основанием для гордости за работу, выполненную англичанами в Индии» [42, p. 233], отметив при этом, что ее задачи полностью соответствуют программным установкам лейбористов. В программе, принятой на партийной конференции в Ливерпуле, обозначалось видение будущего Индии как «самоуправляемой составной части Британской империи..., чего можно достигнуть только путем реализации положений Акта 1919 г.» [6, p. 205]. В ходе парламентских дебатов он неоднократно подчеркивал, что лейбористы полностью поддерживают право индийских народов на политическое самоопределение. «Я хотел бы пойти еще дальше, – отмечал Р. Макдональд, – и заявить, что мы должны признать не только право индийского народа на самоуправление...» [29, col. 1369]. В то же время он выражал надежду на то, что «индийцы... пожелают остаться в качестве равноправных членов в составе Британского Содружества..., но у нас нет ни малейшего морального или демократического права отказать им в полной свободе самоопределения» [29, col. 1372]. Важнейшей задачей деятельности англо-индийского правительства он обозначил «содействие в продвижении Индии в кратчайшие сроки к самоуправлению путем налаживания тесного сотрудничества с индийским народом» [29, col. 1376]. В случае отсутствия этого

«духа искренности», британское правление будет лишено смысла и превратится, по мысли Р. Макдональда, «в пустую трату времени» [29, col. 1384].

Стратегия Лейбористской партии в отношении Индии строилась на понимании объективной необходимости изменения ее статуса. При этом стремление к осуществлению реформ и развитию институтов самоуправления, по мнению большинства лейбористов, должно было сочетаться с поиском оптимальных путей сохранения Индии в составе Британского Содружества [32, p. 121].

Сходных позиций придерживалось и большинство представителей Консервативной партии. Один из наиболее известных ее представителей лорд Уинтертон, отмечал, что идея «доверительного управления индийцами являлась основой [британского правления – А. С.] со времен королевы Виктории... Исходя из этого, мы должны перестать относиться к индийцам как к обучаемым нами детям, и признать их равное право определять будущее своей страны» [37, p. 212]. Осуществление успешных политических реформ в Индии представляло, по словам заместителя госсекретаря, «уникальную возможность доказать, что мы великая Императорская раса, которая дала свободу и самоуправление во всем мире» [37, p. 212].

В мае 1927 г. премьер-министр С. Болдуин еще раз обозначил стратегические цели британской политики в Индии: «Около десяти лет назад, было объявлено, что целью нашей политики в Индии является постепенный переход к системе ответственного управления в Британской Индии как составной части империи. С того момента были сделаны большие шаги к достижению этой цели. Во всех совместных мероприятиях Британского Содружества Наций Индия в настоящее время играет свою значимую и возрастающую роль, и через некоторое время мы можем ожидать окончательного формирования равных отношений с ними, подобных тем, которые складываются с самостоятельными доминионами» [18, p. 3]. При этом, однако, делалась традиционная для британской политической элиты оговорка, которая оставляла для колониальных властей широкое поле для маневра: «Конечно, никто не предполагает, что это может быть сделано одномоментно. Для осуществления данных изменений должно пройти достаточное количество времени, и их реализация возможна лишь с согласия и одобрения британского правительства и парламента» [18, p. 3].

Подобные же противоречия нашли свое отражение и в королевском послании к Индийскому законодательному собранию. «На протяжении многих лет, – отмечалось в документе, – возможно, в течение нескольких поколений, патристически настроенные индийцы мечтали о самоуправлении для своей родины. Сегодня мы можем с полным основанием утверждать о начале перехода к реальному самоуправлению внутри Индийской империи, и созданы самые широкие возможности для продвижения к свободам, которыми пользуются другие мои доминионы» [33, p. 95]. В данной связи от имен короля-императора была выражена принципиальная поддержка политики вице-короля, направленной на то, чтобы «через определенное время Индия могла превратиться в неотъемлемую часть нашей империи в качестве равноправного партнерства с другими нашими доминионами» [33, p. 95].

Несмотря на определенную внутреннюю противоречивость, политика британского руководства в Индии в 1920-е гг., являясь отражением нараставших внутри имперского механизма трудностей и противоречий, свидетельствовала о формировании принципиально нового вектора в дальнейшей эволюции его колониальной стратегии. Он был связан с постепенной, непоследовательной, и в немалой степени вынужденной либерализацией политико-административного режима в ряде колониальных владений. Данная тенденция получила дополнительный импульс к развитию в результате Великой депрессии, потрясшей в начале 1930-х гг. основы социально-экономической стабильности Великобритании и ее обширной колониальной империи.

Литература

1. АВП РФ, Референтура по Англии. Ф.69, оп.10, папка 25, дело 79.
2. АВП РФ. Ф.69, оп. 14, папка 47.
3. АВП РФ. Ф. 69, оп. 19, папка 60, дело 58.
4. РГАСПИ. Ф. 495. Оп.100, д.87.
5. *Adams J. T.* Empire of the Seven Seas: the British Empire, 1784-1939. N.Y.–L. : C. Scribner's sons, 1940. XI, 391 p.
6. *Ashworth L. M.* International Relations and the Labour Party: Intellectuals and Policy Making from 1918–1945. N.Y. : Tauris Academic Studies: 2007. IX, 294 p.
7. *Bridge C.* Holding India to the Empire: The British Conservative Party and the 1935 Constitution. N. Y. : Sterling, 1986. XII, 220.
8. *Burke S. M., Quraishi S. A.* The British Raj in India. Oxford : Oxford University Press, 1995. XIV, 699 p.
9. Daily Chronicle. 1922. 10th March.
10. Daily Express. 1920. 19th May.
11. Daily Herald. 1922. 13th March.
12. Daily News. 1922. 18th March.
13. Daily Telegraph. 1922. 9th January.
14. *Darwin J.* The End of British Empire: The Historical Debate. Oxford : Basil Blackwell, 1991. XVI, 128 p.
15. *Darwin J.* The Empire Project: The Rise and Fall of the British World System, 1830–1970. Cambridge : Cambridge University Press, 2009. 800 p.
16. Documents and Extracts Illustrative of the British Period of Indian History. Calcutta : Forgotten Books, 2012. 486 p.
17. *Elliot W. Y.* The New British Empire. N. Y. –L. : McGraw Hill Book Company Inc., 1932. 553 p.
18. Evening Standard. 1927. 13th May.
19. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1922), vol. 52.
20. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1927), vol. 68.
21. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1922), vol. 150.
22. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1922), vol. 151.
23. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1922), vol. 159.
24. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1926), vol. 189.
25. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1926), vol. 192.
26. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1922), vol. 198.
27. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1926), vol. 200.
28. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1927), vol. 203.
29. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1927), vol. 207.
30. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1927), vol. 208.
31. *James L.* The Rise and Fall of British Empire. L. : Abacus, 2000. 736 p.
32. Labour Party. The Colonial Empire. London : Trade Union Congress and the Labour Party, 1926.
33. *Mansergh N.* Constitutional relations between Britain and India. L. : Her Majesty's Stationery Office, 2013.

34. *Morris J.* Farewell the Trumpets: An Imperial Retreat. L. : Harcourt, Brace Jovanovich, 1978. 576 p.
35. *Muldoon A.* Empire, Politics and the Creation of the 1935 India Act: Last Act of the Raj. L. : Routledge, 2009. 288 p.
36. *Porter B.* The Lion's Share. A short History of British Imperialism: 1850–1983. L. : Longman, 1984. 432 p.
37. The Concept of Empire, 1774–1947. Burke to Attlee. Oxford, L. : Adam and Charles Black, 1962. 467 p.
38. The Times. 1922. 9th January.
39. The Times. 1927. 15th June.
40. *Trevelyan H.* The India We Left. L. : Macmillan, 1972. 255 p.
41. Westminster Gazette. 1922. 10th March.
42. *Williamson Ph.* National Crisis and the National Government: British Politics, the Economy, and the Empire, 1926–1932. N.Y. : 1992. XVII, 569 p.

References

- AVP RF – Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii* [Foreign Policy Archives of the Russian Federation]. Referentura po Anglii. Stock 69. List 10. Folder 25. Dos. 79.
- AVP RF – Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii* [Foreign Policy Archives of the Russian Federation]. Stock 69. List 14. Folder 47.
- AVP RF – Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii* [Foreign Policy Archives of the Russian Federation]. Stock 69, List 19, Folder 60, Dos. 58.
- RGASPI – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii* [Russian State Archive of Socio-Political History]. Stock 495. List 100. Dos. 87.
- Adams, J. T. (1940). *Empire of the Seven Seas: the British Empire, 1784–1939*. N.Y.–L., C. Scribner's sons. xi, 391 p.
- Ashworth, L. M. (2007). *International Relations and the Labour Party: Intellectuals and Policy Making from 1918-1945*. N.Y., Tauris Academic Studies. ix, 294 p.
- Bridge, C. (1986). *Holding India to the Empire: The British Conservative Party and the 1935 Constitution*. N. Y., Sterling. xii, 220 p.
- Burke, S. M., Quraishi S. A. (1995). *The British Raj in India*. Oxford : Oxford University Press. xiv, 699 p.
- Daily Chronicle. 1922. 10th March.
- Daily Express. 1920. 19th May.
- Daily Herald. 1922. 13th March.
- Daily News. 1922. 18th March.
- Daily Telegraph. 1922. 9th January.
- Darwin, J. (1991). *The End of British Empire: The Historical Debate*. Oxford, Basil Blackwell. XVI, 128 p.
- Darwin, J. (2009). *The Empire Project: The Rise and Fall of the British World System, 1830–1970*. Cambridge, Cambridge University Press. 800 p.
- Documents and Extracts Illustrative of the British Period of Indian History* (2012). Calcutta, Forgotten Books. 486 p.
- Elliot, W. Y. (1932). *The New British Empire*. N. Y.–L., McGraw Hill Book Company Inc. 553 p.
- Evening Standard. 1927. 13th May.
- Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1922), vol. 52.
- Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1927), vol. 68.
- Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1922), vol. 150.
- Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1922), vol. 151.
- Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1922), vol. 159.
- Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1926), vol. 189.
- Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1926), vol. 192.
- Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1922), vol. 198.
- Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1926), vol. 200.
- Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1927), vol. 203.
- Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1927), vol. 207.

- Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1927), vol. 208.
- James, L. (2000). *The Rise and Fall of British Empire*. 736 p.
- Labour Party. The Colonial Empire* (1926). L., Trade Union Congress and the Labour Party
- Mansergh, N. (2013). *Constitutional relations between Britain and India*. L., Her Majesty's Stationery Office.
- Morris, J. (1978). *Farewell the Trumpets: An Imperial Retreat*. L. Harcourt, Brace Jovanovich. 576 p.
- Muldoon, A. (2009). *Empire, Politics and the Creation of the 1935 India Act: Last Act of the Raj*. L., Routledge. 288 p.
- Porter, B. (1984). *The Lion's Share. A short History of British Imperialism: 1850-1983*. L., Longman. 432 p.
- The Concept of Empire, 1774–1947* (1962). Oxford, L. : Adam and Charles Black, 1962. 467 p.
- The Times. 1922. 9th January.
- The Times. 1927. 15th June.
- Trevelyan, H. (1972). *The India We Left*. L., Macmillan. 255 p.
- Westminster Gazette. 1922. 10th March.
- Williamson, Ph. (1992). *National Crisis and the National Government: British Politics, the Economy, and the Empire, 1926-1932*. Cambridge : Cambridge University Press. XVII, 569 p.

The article was submitted on 12.09.2018